

Но странно и свободно ты живешь
под форточкой, как ветка, снег и птица,
следа, как умирает эта ложь,
как больно ей и как она боится.

~~Между 1976 и 1979~~

Д М И Т Р И Й М О К Р И Н О В
(р. 1946)

Не печатаю

х х х

Белой тенью ты мелькнула
В полумраке на стене
В тот же миг стихок Катулла
Произнес я в полусне
Но твоей бесплатной тени
Не поймать мне платья край
Кто не падал на колени
Пред виденьем невзначай?
И легка как Беатриче
На ладони у любви
Ты стояла для приличья
С розой спелой на груди.

/ 21.II.1970 /

х х х

Где хоровод весенних пчел
Струит свой желтой вербы рой
Ты шел дождем с горы на дол
И снова вился над горой
И дети пестрые резвились
Вдруг среди них раздался рык
В ручье пилявках камешки катились
Весь бурный по траве запрыгал бык
И фарточку надев кафтанно
Он улыбнулся розовой губой
Смеялись, говоря: - Вот так недавно

не печатаю

Ты был ужасный и рябой
И вдруг в коротеньких штанишках ты смешной
Среди цветов скакать принялся ножкой
Любить тебя нам хочется как кошку
И гладить спинку ласковой рукой.
И круглой вишни лепесток
Быку уселся на висок.

А 08.02.1971 г

ДМИТРИЙ М. ^{ДКРИНОВ} И ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

Не печаль!

ВОЗЗВАНИЕ К ДУШЕ ОТВАЖНОГО П.С.

Лысеет мир. На пахоте картины
могучий труд являют из себя.
Торжественно поникшая рутина
взвилась на мачты бригантны,
забытое отечество любя.

Лысеет вебрь. Безумьем рвутся струны.
И руки перестали узнавать
в ногах свернувшиеся руны,
которые, подобно волн буруну,
морские берега отчаялись лизать.

Лысеет Рак. Печальное страданье
Покрыло пеленой усталое чело.
Ему не нужны больше праздные лобзанья,
которые не остановят угасанья
отечества, которое зело.

Лысеет кит. Усов поникших сладость
на дерево дубовое легла.
Окрест смеется ветреная младость,
роняет шишки маленькая радость...
И отступает молчаливо мгла.

Взросший волос падает на плечи,
и жизни закипают пузыри.
Они бурлят на новгородском вече,
среди татар, средь запорожской сечи...
- Гори и ты, душа моя, гори!

02.1968

СЕРГЕЙ МАГИД

(р. 1947) →

х х х

Мой век - мой хлеб. На нем, как плесень, искушенье, -
сменить в конце концов и хлеб, и этот век,
пока не затянул на стебелечке шейном
арканную петлю прохожий человек.

Любой из них, любой из проходящих мимо,
потомок степняков и местной голытьбы,
мой азиатский брат и воспреемник Рима
готов служить мечом дамокловой судьбы.

О мой насущный век! Грызу - крошатся зубы.
Да что там зубы - жизнь крошится день за днем.
Арены тесен круг. Слова команды грубы.
Мой тяжелеет плащ, намкнув под дождем.

<1980>

х х х

Разночинная ересь. Дымок папирос горьковатый.
Запотевший мерзавчик и бубликов связка тугая.
И в молчании кашель и снова басок сипловатый.
И дремучая жуть за окном как во время Ногай.

А у нас разговор. До утра. До смурного рассвета.
Всё о том же: о судьбах, о смерти, о жизни, о воле.
Всё вопросы, вопросы, вопросы - и всё без ответа.
И усталые рты безнадежную правду мусолят.

Разночинная ересь. Опять - говорение речи.
Ни основ, ни устоев, ни почвы, ни грозного неба.
Только шепот сквозь сон: человеке, э-гей, человеке...
ты взаправду ли был, ну а может и вовсе ты не был...

И плывет к потолку пустотелая куколка слова,
и парит в облаках папиросного горького дыма,
всех нелепостей наших и бедствий дурная основа -
пустота многословья. О жизнь, как ты невосполнима,

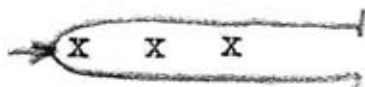
как затвержены мы, как заезжены наши дороги...
Разночинная речь. Ты лишь ересь, а ересь не догма.
Потому и сегодня тебя погребальные дроги
увезут в тишине и тайком, и подальше от дома.

Лишь останется запах - мужской, застоявшийся, крепкий:
запах потного тела, махорки и пролитой водки.
И добро, если к ним примешался пока еще редкий
запах, чуемый нами, - кержацкой просмоленной лодки.

Потому что - раскол. Потому что - расход. Разделение.
Не труда и сословий, и взглядов, а смысла и смысла.
Не в Сибирь же идти под кандалное тусклое пенье,
всенародно-российское в шею вдавив коромысло.

Здесь задача в ином. Повторяю еще - мы в расколе;
Откололись снаружи, внутри раскололись. И всё же,
разночинная речь, разночинная ересь, доколе,
будешь черной смолой для сердец, на осколки похожих...

< 1980 >

Меня так мало здесь - а там и в самом деле
голландская зима резвится за стеклом,
коньки рисуют круг, покрипывают ели
и спящая река свернулась подо льдом,

и так бело внизу, и лишь комочек плоти,
живой, единственный, горящий на снегу,
и снова режут глаз коньки на повороте,
и расцветает кровь на ледяном луку, -

а к вечеру замрет, забьется, занеможет,
засмотрится в полупрозрачный лед
и в глубину его перетечет, быть может,
и белый пар промоину зальет,

и снегом порастут затейливые пряди -
неутомимых ног дотошная гоньба,
и кончится рассвет в сиреновом окладе,
и тоненьким ледком затянется судьба.

1980

Не печаль

МИХАИЛ МАТРЕНИН

(р. 1947)

х х х →

Навек, навек я погружен в закат.

Стоит луна. Она почти дневная -
так плоть ее рыхла, что сквозь нее
просвечивает небо. И дорожка,
словно береста, на воду легла.

Всю ночь блестят на валунах чешуйки
слюды, и темные массивы леса,
снедаемы бессонницей, дышат,
и вздрагивают стаями листья.

За всю-то ночь едва ль одна звезда
взойдет в глушайшем закоулке неба
и свянет; убегают по воде,
подобные следам копыт коровьих,
темно-зеленые листья кувшинок,
и в страшном, заболоченном заливе
скребутся в борт бессонные, косые,
костлявые травинки, и поют,
и плачут надо мною комары...
В далеком городе текут, быть может, годы,
а здесь они образовали заводь.

На век, на век растянут каждый миг,
и на воде с прожилками зари
так долго заживает шрам от лодки.

Лечь отдохнуть, и небо белой ночи
над лодкою, как над огромным глазом,
вращаться станет....

ЕЛЕНА МЕЙЛОВСКАЯ

УТРОМ В ДЕРЕВНЕ

Петух бы прокричал, да нет его.
Рассвет пришел, никем не возвещенный.
Слетелись на простое торжество

с бесчинным граем галки и вороны
и на помойках начали пиры.
Земли осенней включены седины.
Опали яблок бурные шары.
Заплеснели у дома георгины.
Небес не страшает мелкий пруд.
На крыше оцетинилась солома.
Зверь мышка точит основанье дома -
неблагодарный кропотливый труд:
мышинные другие поколения
увидят дома старого паденье,
других из-под развалин извлекут.

*←1980 /

А Л Е К С А Н Д Р М И Р О Н О В
(р. 1948)

① → х х х

Легче газа и призрачной сна -
Тяжелее не вымолвишь слова -
Жизнь твоя не моя ли вина? }
Не вина ли - вина золотого?

А сказать что господня вина -
Искус страшный смущает мне душу
Хмель стряхнуть и восстать ото сна
Что скажу - то скажу: ты не слушай

Всё мне чудится времени дно
Всё мне грезится вышито мало
Что скажу не скажу - всё 2 одно
Легче вылить вино из бокала.

*←1972 £